

Татьяна Филиппова
кандидат исторических наук
научный редактор журнала «Родина»

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Люди мы русские, стало быть – православные.
Народная поговорка

Основная цель данного исследования – выявление зависимости кризисных явлений в сфере имперской идентификации российской государственной власти от процессов, происходящих в сфере православного самосознания. Компаративистский характер работы предполагает диахронный принцип – сравнение ситуации кризиса традиционной имперской государственности в России на рубеже XIX – XX веков с событиями переходного времени на грани XX и XXI столетий.

Дефиниции «национального», «имперского» и «этнического», предложенные идеологами Проекта, позволяют увидеть общий для двух эпох алгоритм нарастания кризиса идентичностей в обществе, переживающем радикальные перемены в области политической культуры (от закрытого – к открытому обществу), природы государственности (от империи – к национальному государству) и идеологических ориентиров (от авторитаризма/тоталитаризма – к демократическим формам). Кризис прежней идентичности вызывает стремление самоопределиваться на предельно безусловном уровне этнической «генетики», однако – в силу традиционной идеократичности массового сознания россиян – неизбежно выводит этот процесс на уровень духовной и культурной рефлексии. Поскольку Православие исторически и метафизически всегда являлось высшим, смыслообразующим авторитетом в формировании «русской традиции» и «русской идеи», то именно к нему обращается и общество, и власть в поисках новых источников идентификации и легитимности.

Процессы, происходящие при этом в самом русском Православии – и в сфере православной мысли, и в области церковной политики – теснейшим образом (по принципу обратной связи) соотносятся с государственными и идейно-культурными обстоятельствами переходных эпох. Выявление проблемно-событийной канвы данных сюжетов конкретизирует задачи нашего исследования, позволяя выяснить, как именно сдвиги в культурной и духовной идентификации влияют на политико-государственный облик России переходного времени, а в какой мере они сами являются продуктом государственной воли и политико-культурной рефлексии власти.

К концу XIX века в практике имперского целепологания одновременно сосуществовали и православный (наследственный) мистицизм византийской теократии, и новоимперский прагматизм, свойственный европейским державам. Интуитивный импульс и практический, рациональный интерес не столько боролись, сколько причудливо уживались друг с другом, усложняя политико-культурную картину модернизирующейся России. Более того, этот противоречивый гибрид традиционной «органики» исторического (православного) имперства и новообретенный утилитаризм внешних и внутренних государственных задач был признан в качестве приоритетного курса власти на протяжении двух последних царствований.

Попытка осуществить подобное сочетание объяснялась, в том числе, и внешним обстоятельством – жестким противостоянием с Великобританией, мировым лидером в области выработки и применения четких и функциональных механизмов секуляризованного имперства колониального образца (проблема Проливов, соперничество в Северной Персии, борьба за Индоиранский коридор, поддержка Англией Японии в ее противостоянии с Россией). Кризисы начала XX века выявили всю степень опасности, которой грозило России подобное сочетание разнородных и культурно чуждых друг другу имперских парадигм.

По сути, и в самой России, и между нею и европейскими державами шла подспудная, но ожесточенная борьба двух типов имперства – христианской идеи «единственного Царства», движущегося через века, транслирующего наследие Спасителя вплоть до «Третьего Рима», и идеи Рима «ветхого», Рима цезарей, воплощающего механизм бюрократической, «тевтонской» государственности. Реальность новоевропейской «псевдоимперской» идентичности проистекала из наращивания уже сложившимися на Западе нациями-государствами ореола державной мощи в форме так называемых «колониальных империй», не транслировавших (по определению) уже никакого традиционного наследия.

Православно-имперская риторика в стиле «русского модерна», свойственная царствованиям Александра I и Николая I, содержательно, а главное – стилистически, контрастировала с либеральной фразеологией эпохи «Царя-Освободителя». Однако тактика тогдашней российской государственной элиты в этом смысле не была ни уникальной, ни даже сколько-нибудь своеобразной. На Западе к концу XIX века процесс политико-государственного развития – по контрасту с параллельно развивающейся тенденцией укрепления гражданского общества – привел к тому, что рецессивные имперские образования стали использовать (и весьма эффективно) домодерные концепты мощи, величия, державности и «силового контрапункта». (Символическим жестом Великобритании в этом смысле было принятие королевой Викторией титула «императрицы Индии».) Так что коллизия противоречий между слегка подновленной и романтизированной архаикой христианского имперства в переплетении с процессами национального и гражданского взросления была характерна не только для России. Эгоизм нацио-

нального целеполагания диктовал агрессивность имперских средств целедостижения. За неспособность правящих элит конструктивно решить задачи поддержания баланса сил и обновления собственной политико-культурной и духовной легитимации народы заплатили бойней Первой мировой войны и трагедией 1917 года.

И критика, и апология имперства в российском обществе, остро рефлексировавшем на рубеже веков по поводу собственной культурной идентичности, была проникнута христианским мироощущением. (Это относилось и к леворадикальной среде со свойственной ей превращенной формой богоборческой инверсии.) В центре общественной дискуссии, так и не ставшей полноценным диалогом со властью, стояли характерные для русского православного мироощущения темы свободы, ответственности, справедливости, воздаяния.

Напомним, что правовая сущность империи – абсолютная правда власти, поскольку в соответствии с классическим юридическим обоснованием термина «*imperium*» бремя этой власти изначально и по определению делегировано народом непосредственно императору. Таким образом, империя в метафизическом плане становится высшей формой свободы, ибо снимает с народа моральную, культурную, политическую и духовную тяжесть принятия государственных решений, расширяя пространство для любой другой деятельности («кесарю – кесарево...»). Поэтому культурные и духовные взлеты, приходящиеся на эпохи усиления имперской рефлексии, происходили не вопреки (как это считалось в марксистской догматике), а благодаря факту существования имперской государственности.

Однако в российском варианте в конце XIX века эта своеобразная «свобода общества» от тягот государственных дел достигалась «замораживанием сверху» (К. Леонтьев). В итоге в XX век страна вступала с прочной, но не гибкой имперской структурой, способной отражать слабые и умеренные внешние и внутренние воздействия, но при сильных потрясениях была обреченной расколоться. При этом империя самой своей грандиозностью – подобно библейскому Левиафану – завораживала воображение наблюдателя, одновременно отвращая и возмущая своей гигантоманией, «голосом Тщеславия», «похотью власти» (Г. Федотов).

В этом смысле категории «национального интереса» и «национальной идентичности» слишком слабы и позитивистски невзрачны, чтобы адекватно описать те достоинства и грехи, которые приписывались современниками имперской государственности. Высокая эмоциональная и духовная насыщенность выступала здесь не только формой, но и побудительным стимулом идейных поисков. Именно рубеж веков стал временем эффективного мифологизирования концепта «национального интереса» (без нации) и последующей его эволюции в двух направлениях – в сторону радикальной борьбы с «земным воплощением» «абсолютного зла» – империей Романовых, и в сторону православного «мессианства» славянофильствующего толка, борющегося не с традиционной властью, а с западничеством искажением ее «национальной физиономии». Не только либеральные оппоненты, но и консерва-

тивные сторонники традиционной власти испытывали потребность в формулировании новых аргументов легитимности империи.

Значительную роль в этом дискурсе сыграла православная стилистика осмысления противопоставления «силы власти» и «силы мнения». Идея «разделения властей» в таком ракурсе теряла свой либерально-западнический оттенок, поскольку предполагала автономное существование «национально мыслящего общества», формирующего идейную, духовную и нравственную реальность «национального интереса», от бюрократии, обслуживающей материальную сторону этого интереса.

Ряд православных мыслителей начинают трактовать категорию «внутреннего строя народа» через степень «устремленности нации к высшим духовным ценностям», а понятию самодержавия придавать смысл не «формы правления», а «духовного самосознания народа, концентрированного в одном лице» (Н. Данилевский, Д. Хомяков, Л. Тихомиров). В пылу полемики с либералами-западниками защитники имперства и самодержавия «с национальным лицом» не замечали, как впадали в ересь, допуская подмену понятий нации как идеала третьего сословия и идеала монархии как образа Царства Вечного. Ситуация взволновала православных пастырей, вынудив их уточнить источник легитимности императорской власти, дабы вольная риторика мирян на столь ответственные темы не вводила в соблазн и без того смущенные умы россиян. Стремясь четкостью формулировки сдержать пафос славянофильствующих защитников исторической власти, схииерарх Варсонофий Оптинский (Плиханков) строго уточнял: монарх в России не есть представитель своего народа, но суть «представитель воли Божией».

Однако попытка восстановить идейную четкость и каноническую строгость православной трактовки «земного», «царского» и «божественного» начал в «историческом теле» империи была явно запоздалой. Сама власть в лице двух последних государей активно разыгрывала «национальную карту» в духе «почвеннической» риторики. Придание ярко выраженного идеологического окраса этому курсу сработало в итоге на понижение духовного статуса стиливой чистоты мифологем «самодержавия», «народности» и «имперства». Опрощенный, профанный уровень православной религиозности был охотно воспроизведен последними Романовыми, воплотившись в «древленациональном» окрасе их имперских приоритетов – с крайне негативными последствиями как для самой Российской Империи, так и для Православной Церкви.

Эта историческая ретроспекция придает особую остроту взгляду на современные проблемы взаимоотношений Церкви и власти с условиях очередной российской модернизации, осуществляющейся (как у нас принято) «сверху» и ускоренно. Пока лишь назовем самые яркие сюжетные узлы этого «второго плана» нашего исследования. Последние десять лет стали свидетелями роста авторитета Православия в обществе и наряду с этим – тенденции к «похолоданию его идейного климата» (А.Морозов), меньшей терпимости к инакомыслящим; декоративная «воцерковленность» постсоветских чиновников (бывших коммунистов) сменилась более строгой и менее декларативной

религиозностью нового поколения государственной элиты; формальное участие представителей Церкви в протокольных мероприятиях уступило место реальным программам социальной поддержки нуждающихся слоев со стороны церковных структур. Принятие в августе 2000 года беспрецедентного в истории Православия документа – «Социальной доктрины Русской Православной Церкви», дает основания говорить о намечающемся новом формате ее отношений как с обществом, так и с властью.

В связи с этим дальнейший ход исследования будет связан с определением степени адекватности формы и содержания новейших процессов, протекающих в указанной сфере. Представляется важным выяснить: что именно скрывается за клишированной риторикой темы «духовности» в постсоветской России; каковы в действительности нынешние механизмы и стилистика взаимодействия Церкви и власти; каков уровень начальной богословской грамотности тех, кто считает себя православными христианами.

Вопрос, превосходящий рамки скромного светского исследования по причине своей сложнейшей богословской метафизики, но все же чрезвычайно важный для понимания нынешнего идейного климата в России, может быть сформулирован так: в какой мере общество и власть в России имеют право и основание ждать от Церкви гибкого, оперативного реагирования на все актуальности стремительно реформирующейся и модернизирующейся страны с учетом процессов глобализации и интеграции в мировое сообщество? Ведь исторически Православие – Ортодоксия по слову и смыслу – всегда являлось для россиян высшим духовным авторитетом. А авторитет – не реформируем... Новый виток характерной для России коллизии высших смыслов и мирской повседневности, новых национальных интересов и традиционных государственных приоритетов происходит на наших глазах, бросая очередной вызов исследователю.